

МОЛОДОЙ СТРОИТЕЛЬ СИБИРИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК КИСИ

Выпуск N 6

20 декабря 1991 года

Ирина Александровна Бызова,

Кафедра истории:

КУЛЬТУРА СУБЪЕКТИВНЫХ МНЕНИЙ

«ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОУМНЕТЬ - ВРЕМЯ БЛАГОПРИЯТНОЕ»

Перестроечные процессы меняют всю систему нашего общества. Главным итогом должно быть появление нового человека: другие стимулы к труду, другой характер активности, другой способ мышления... Действительно, перемены такого же масштаба и качества, как те, что происходили после семнадцатого года. За год они не произойдут. Нужна, по меньшей мере, жизнь одного поколения, когда вырастут дети, родившиеся в 1986 году, сложится новая система общества в основном и главном. А во-вторых, процесс этот очень болезненный - опять же вспомним 1917 год (сейчас очень много литературы художественной, мемуаров, красноречиво свидетельствующих об этом) - рушатся все основы, полностью меняется социальная структура общества, судьбы людские, что щепки в море...

Социальная структура общества напрямую связана с системой образования. Естественно, должна измениться вся структура, система высшего образования. Нигде в мире не дают высшее образование поточным способом, это штучные изделия. Не ширпотреб, а индиштив. Недаром ведь дипломы советских вузов в мире не признают, разве что за редким исключением.

Люди, в массе, не любят задумываться над смыслом происходящего, любят "мыслить картинками", живут эмоциями, ищут виноватого. Психология такая. Поэтому кафедры общественных наук оказались крайними в сегодняшней ситуации. А ведь на примере кафедр общественных наук можно понять всю трудность перемен. Смотрите, что получается.

Раньше как было: была единственная верная теория - марксизм-ленинизм. На нее и опирались весь цикл общественных наук в течение пяти лет обучения студентов в вузе. Итогом был государственный экзамен. С дисциплиной проблем не было, и у студентов проблем не было. Ясно было, что надо думать и как нужно думать. И у деканатов проблем не было: были учебные планы, обязательные для изучения по всей стране.

Оказалось все не так. Единственно верной теории не бывает по определению. Спектр гуманитарных знаний обширен (лат. humanitas - человечество, человечность): существует научное знание об обществе и человеке, так называемые общественные науки: социология, (политология, культурология это частный уровень социологической теории), психология, филология, история, экономика и т.д. Существует религиозное знание (мифологическая фирма аккумуляция человеческих знаний), существуют философия, искусство.

Учить надо не тому, чему учили раньше, и не так. Не марксизму-ленинизму, а вот этому всему комплексу знаний с учетом требований профессии и с учетом выбора студентов. И не так как раньше, тоже

понятно. Прямая система преподавания называется репродуктивной: определенный объем информации необходимо запомнить и на экзамене или зачете воспроизвести. Студент выступает в роли воспроизводящего устройства (гоолога преподавателя или учебника).

Есть другая система обучения, основывается на следующих принципах: 1. Учить тому, что интересно. 2. учитель должен сам не перестать быть учеником. 3. учеба - это всегда самосозидание, самообразование, самовоспитание. Студент должен быть соучастником диалога, обсуждения, практического решения задачи.

Учиться по-новому, естественно, не готовы ни преподаватели, ни студенты (высказывая сугубо личное мнение), как в целом страна не готова жить в новой ситуации: разброд и шатание, суега сует и томление духа.

Вот по меньшей мере шесть кон-

социологии, преподавать надо философию, всемирную историю культуры, историю религии и т.д. Но на уровне учебных программ это далеко не так ясно. В связи с этим, очень интересна проблема вторая - учет требований профессии - чему действительно нужно учить, а чему не нужно? Профессиографии в стране нет, системы профориентации тоже. Тем более хотелось бы узнать мнение специалистов-производственников, какие качества нужны инженеру-строителю, архитектору?

Отсюда вытекает проблема третья - определенная разобщенность, отсутствие учета общественного мнения. Студенты сами по себе, факультеты сами по себе, кафедры сами по себе, каждый сам по себе. И друг о друге имеют представление не всегда достоверное.

Кстати, о студентах. В тяжелой жизни преподавателя общественных наук в техническом

вершено не согласна с тем, что гуманитарные знания не нужны, или что они бесполезны. Так могут говорить только те люди, кто элементарных представлений не имеет об этих самых гуманитарных знаниях, ни одной книги в жизни не прочитал, не был дальше Красноярска и ничего не видел, двух слов без мата связать не умеет.

Могу предположить реакцию оппонента: для того, чтобы "жить хорошо", книги читать не надо и знания мата достаточно. Конечно, каждый волен выбирать: каким быть и какую жизнь прожить. Только "природа пусты не терпит" и если душа не заполнена ценностями истины, добра, красоты, это или вообще не человек, а злобное тупое животное, или очень быстро может оказаться, что незачем жить. Замкнутый круг получается: не мы такие, - жизнь такая, а жизнь такая, какую мы заслуживаем.

Гуманитаризация образования это не очередная кампания, не смена конъюнктуры, а, что называется, знамение времени, идея, которая носится в воздухе, тенденция мирового развития. Есть такие шуточные стихи: "на то она и мировая общественность, чтобы выразить серьезную озабоченность у лучших представителей человечества давно вызывает пропавшую, существующую между научно-техническим прогрессом и нравственным развитием человека, между достижениями естественного научного знания и гуманитарного. Поэтому и говорят, что или двадцать первый век будет веком гуманитарных знаний, или его не будет вообще."

Гуманитарные знания могут быть и практически полезными, могут носить ценностно-смысловой характер. Художники, гонимые общественными науками вместе с водой выплескивают и ребенка. Надо отдать должное руководству КИСИ, в нашем институте процесс реформирования происходит достаточно мягко.

Главное, чему должны учить общественные науки в вузе - это учить думать, причем собственной головой. Вот вы задумайтесь, многие ли так могут? Процент думающих таким образом в каждом поколении невысоок (диссиденты немногочисленны). Коллективное взаимодействие почти всецело, поэтому трудно не поддаваться массовым психозам. Для того, чтобы поумнеть, сейчас время благоприятное. А людьми можно позавидовать: у вас возможностей больше, не упустите шанс.

Однако, я не кончила перечислять проблемы. Итак, проблема четвертая - почему студенты не готовы учиться по-новому? Студентство соответствует характе-

Студенты!

Представители администрации института готовы ответить на все волнующие вас вопросы, касающиеся размера стипендии и других денежных выплат.

Вас интересует, кто возьмет на себя функции студенческого профкома? И что вы от этого потеряете и приобретете? Сосредоточьтесь и подумайте, какую информацию вы хотели бы получить, и что дельного вы предложите? Конференция состоится 24 декабря в 15.30 в МАЗе.

ристите, которую давали пролетариату в прежнем курсе общественных наук: не способен сам осознать свои интересы, сформировать идеологию, - способен только на разрушительный массовый протест, в лучшем случае, на борьбу за свои экономические интересы. Для того, чтобы выбрать чему учиться и как, нужно иметь интерес осознанный, нужна какая-то самоорганизация.

Проблема пятая - а собственно, выбора-то и нет. Заодно, это и моя личная проблема. Хочу и могу прочитать курс "Введение в психологию и социальная психология", но кому? - Кафедра массово перешла на преподавание "Основ политологии" (тоже нужно). Но мне бы хотелось преподавать психологию, поскольку этот предмет я же второй год изучаю, а еще со времен собственного студенчества, полезность и потребность в этих знаниях мне кажется очевидной. И вообще, мне непонятно, как можно создать студентам ситуацию выбора курсов.

Проблема шестая - нехватка или отсутствие учебной или учебно-методической литературы. В связи с этим возникает вопрос - почему ликвидировали кабинет общественных наук? Ведь только сейчас впервые появилась возможность создать такой кабинет, потому что раньше кроме полных собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и идеологической схоластики ничто другое право на существование не имело (безобидного Карнеги не издавали, например. Журнал "ЭКО" протаскивал избранные отрывочки). Только сейчас появилась возможность приобщиться к мировой цивилизации, так надо же это делать. Создавать кабинет общественных наук надо, ведь есть же спортзалы, лаборатории. А приобщение к истинной культуре происходит в общении либо с оригинальными текстами, либо с интересными людьми. Возможность же формировать библиотеку сейчас - как никогда раньше, я за последние три года купила книг больше, чем за всю предыдущую жизнь. Так что же нас останавливает?

Вот такие общие соображения по поводу преподавания общественных наук в техническом вузе. Очень хотелось бы услышать другие мнения, особенно студентов, - давайте использовать газету для обсуждения наиболее проблем.

Еще я предлагаю такую рубрику в газете: "PS. Постскрипум. После словесие". Бывает, что на занятиях зададут неожиданный вопрос, вроде отвечаешь, но остается неудовлетворенность, недоговоренность.

И надеюсь, что газета предоставит мне возможность публиковать интересные материалы по психологии.

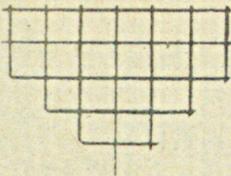
кретных проблем: Первое - я уже говорила, что изменение преподавания общественных наук - это составная часть изменения всей системы высшего образования. Очевидно, действительно нужен трехступенчатый процесс образования: профессионально-техническое, средне-специальное и собственно высшее образование. Ведь общеизвестно, что важно не количество специалистов с высшим образованием, а именно качество образования, то, что называется профессионализмом, компетентностью. Например, было бы очень интересно узнать какой процент выпускников КИСИ каждого года работает по специальности. Потому что знаю среди них работников торговли, журналиста, вышибал в ресторане и т.д.

Соответственно объему и качеству получаемого образования должно вестись и преподавание общественных наук. В целом ясно, что учить надо психологии, экономике,

вузе общение со студентами - один из самых отчаянных моментов (не всегда). Если бы мне не нравился процесс общения с ними, я бы нашла себе иной способ заработать на жизнь, чем заниматься. У них границы горизонтов собственного развития еще очень широкие, (к сожалению не у всех), поэтому интересно общаться. Пыталась понять, что им интересно, я внимательно к ним присматривалась и прислушивалась.

Они говорят: "Раньше марксизму-ленинизму учили, сейчас прямо противоположному. Чему же вы, в принципе, можете научить?" Или: "Учите так же как и раньше, все бесполезно. Нам гуманитарные знания не нужны." Или: "Верить не во что, верить никому..." Или: "Чему научите, то и будем знать".

Отчасти согласна, действительно плохо, если учат так же, как и раньше. Естественно, со-

Не уходи. Я жизнью заплачу
За твой побег...
Вернешься - не заплачу,
Не засмеюсь,
От ревности не вздрогну,
От боли от былой не закричу.

Любимая, все это не любовь!
Друзья поймут и все осудят снова.
Но выше понимания людского,
Любимая, вся эта нелюбовь.

Нам высший смысл ниспослан
с высоты.
Смысл этой жизни странной
и короткой,
Смысл жизни - жить!
Тебе я буду лодкой
Средь моря этой смертной суеты.

Как ты одна печаль моя и страх,
Как ты пойдешь по этой глубине?
Когда плывешь - зачем ты не
во мне?
Когда я пуст - зачем я на волнах?

ЛАДОНЬ

I.
А мне бы музыку напомнить
и напеть,
А я тебе напоминаю муку...
В другом крае я поднимаю руку,
Лицо твоё пытаюсь обогреть.

Но пусть никто не смеет
оглянуться
Из тех, кого ты за руку взяла.
Они огнем и светом захлебнутся
И выжжет ревность бедные тела.

Пусть спят и спят, куда это
длится
Пока, терзая страстью этот мрак,
Пылает пятипалая десница -
Звезда моя - мой возглас, звук
и знак.

2.
Откликнись мне ладонью на
ладонь,
Луна моя, мой отраженный свет
Ты ярче всех возлюбленных
планет,
Луна моя, зеркальный мой огонь.

Того кого ты выбрала в ночи,
Прижми к себе и обо мне молчи.
Пусть никогда не смеет он посметь
Прищурившись глядеть на эту
руку
Я и ему напомню эту муку,
А мне бы музыку напомнить и
напеть.

Сны на закате. О смысле

В тот самый час, когда закат угас,
Он в глубь себя смотрел и
видел там дорогу.
Она вела к означенному гробу,
И гроб стоял, как черный ватерпас
На линии. Прогнул горизонт
Под тяжестью дубовой домовины.
Знакомые, печальные картины...

В нем смысл лежал, как
зачехленный зонт.
И нужно было смысл - как
зонт - раскрыть
И защитить всех от дождя и снега,
Сбить сено для случайного
ночлега,
Огня добыть, едою накормить,
И что же? - что же дальше,
черт возьми? -
Ужели же беседовать с людьми,
Что сыты, и согреты, и притом
Опоены наливкою с малиной?

Построить дом? Но он
построил дом!
Он зонт у смерти взял, и это дом.
И вот они сидят египетно в нем,
И дым стоит над ними коромыслом.
Он говорит об этом и о том...
Но он слышит в округе болтуном,
Поскольку нужно молча рыть
зонтом,
Стучать зонтом, и ковырять
зонтом,
И с криком морды бить зонтом,
Но в этом он не видит смысла.

Геннадий Жуков

ЧЕБРЕЦ

Геннадий Жуков родился в Ростове-на-Дону в 1955 году. Поэт, композитор, певец. Работал грузчиком, геодезистом, смотрителем музея, сторожем. В настоящее время он Действительный Поэт Заозерной школы (Танаис, Ростов-на-Дону), руководитель театра элитарных искусств (Москва), зав. кафедрой художественной литературы Московского университета методологии знаний.

В начале следующего года Геннадий Жуков намерен провести единственный концерт для элиты нашего города.

Я жил тысячелетия назад.
Я умер. Умер. И поверьте чуду
Здесь был написан мой печальный взгляд
Сюда - в сей мир, где больше я не буду.

Ветра и орды шли через погост
И разносили пыль мою по свету.
И вот гляжу на опустевший холст,
Как некогда с холста глядел на Лету.

УРОК И КАРМЫ

I.
Отрешившись от мудрости века сего,
От железного духа тевтонца,
От стоических дам, фамильярных господ,
От сутан моралистов с мечами и от
Мясников с палашами гвардейскими, от
Культуры, что шляется взад и вперед,
Парфюмерных низин, фурнитурных высот,
Дамских трусиков, мужеских шляп и колгот,
Я в Европу захлопнул окно, как киот...

Отрешившись от мудрости века сего
В стороне восходящего солнца,
Я увидел, как сакура нежно цветет,
А под сакурой воин глядит на восход,
Вот он меч достает, вот вскрывает живот...
И захлопнул второе оконце.

Я на север глядел: ледостав, ледоход...
Занимался и таял пузырчатый лед.
К богу поднял лицо - там скрипел самолет,
А под ним набухла гроза.

Как рубанок по дереву шел самолет.
А на юге, у гордых тибетских высот,
Сбросив плащ, словно черствый чужой переплет,
Упираюсь босыми ногами в живот,
Человек - будто книга - сидел вразворот.
Он сказал: - Кто живет - эту жизнь не поймет.
И вакрыл я послушно глаза!

2.
Я увидел, как суетно время идет,
Чушь собачью, что шляется взад и вперед,
Мясников белокурых, степенных господ
В дамских трусиках, розовый грешный приплот
Дам стоических, пар парфюмерных болот,
Самурая, ввернувшего саблю в живот,
Облетевшую сакуру, лопнувший лед,
И над всем этим грузный чужой самолет,
И над всем этим тучу, что в небе растет,
Сквозь янтарную синь разреженных высот,
Шар земной, упакованный в черный киот,
Желтый отблеск лампы, мертвящий полет
Бездыханных планет, неживой хоровод
Пятен света:
и тяжкий надвинулся свод.
И в последний,
Уже распоследний черед
Я увидел Великую Тьму.
И сказал я, как старец... уже не пойму,
И спросил я, как мальчик в пустынном доме:
- Что же делать мне здесь одному?

ЖАЛОБА АКЫНА

Если в этой пустыне нет путника, кроме меня,
То кому передам я все то, что влачу за плечами?
Если в каждом ауле лишь дети мои да родня,
То кому же поведать семейные наши печали?
Если каждое слово звучит на родном языке,
Как узнаю - богат ли язык у родного народа?
Если только пять пальцев на каждой руке,
То насколько меня обечитала природа?
Если сестры красивы, а сестрам подобны цветы,
А цветы затмевает, в цветах увидая, подруга -
Кто цветок принесет мне с далекого луга,
Чтоб запомнил, что нету иной красоты?
Если сердце одно - как возлюбленный каждой отдать?
Если мало мне рук - как любимых детей обнимать?
Если мало мне пальцев - как струны заставить звучать
В лад с душой, что - как дерево - высохнет, стоя
Без небесной воды...
Кто мне скажет: - Утешься, акын,
Во Вселенной все - так, и не будет иным,
Чтобы стал я спокоен.

В смиренны тугостном влача
Асфальт, налиший на подковы,
Влача обноски и обновы,
Я было умер от сгорлчача...
Но был у города конеш.
И кровь слилась с зеленым соком -

Я горло жег зеленым током,
Зеленый хрупая чебрец.

Еще гортань была в огне,
Когда со страхом пилигрима
Я чуял, как неистребимо
Язычник деется во мне.

О, я не знал, слетая с круга -
Как хрип с пластинки шансонье,
Что петь мне звонко и упруго,
Что мне играть на тетиве!

Возьми мой кашель перочинный
И возврати, моя земля,
Гортанный хохот лошадиный
И плач гортанный журавля!

Пусть эта боль - на боль похожа...
Пусть. Я согласен онеметь,
Пока сползают слизь и кожа
И нарастают сталь и медь.

Так было просто в прежние века:
Духовные отцы пеклись о морали,
Кресты страшные высоко задирали
С навеки приколоченным Христом
И неразумным Агнцам и овнам
Грозили указующим перстом.

А милые, но грешные поэты
Безнравственно кутили до рассвета
И, соблюдая разные манеры,
Болтались с балаболками по скверу,
И, насмерть застрелившись раз-другой,
Святым отцам безропотно грозили
Какой-нибудь заблудшею ногой.

Зачем же нас в один котел собрали -
Поэтов и бластителей морали?
Мы затеваем, словно постирушку,
Занудную, как проповедь пирушку.
И я, мой друг, ловлю себя на том,
Что левою рукой маня девицу,
Я праведной грожу себе десницей
И тычу указующим перстом!

Мне велено сказать, и вот я говорю,
Что вы хорошие, вы очень неплохие.
Но "д" и "р" родного языка
Вы в детстве перепутали слегка.
Услышав "храм" вы повторили "хлам"
И ждете в хлам сошествия мессии.
Любезные, во хлам к вам не сойдет Господь.
Вы хлеб сносили в хлев, сливали кровь в криницы,
Вы рвали боль с молитвой о любви,
Вы спутали "давать" с "давить", вам удивиться
Привычной во сто крат, чем удивляться.
Страх заменил восторженное "Ах!"
Я говорю: не спеться вам, не спиться
Во хламе на крови.

Мне велено сказать, и вот я говорю,
Что жизнь бессмысленна, увы, но хороша.
Жизнь хороша, и каждое мгновенье
Жизнь хороша, и больше ни пиша!
А там в конце - и тело, и душа -
Лишь прах и крах, и это утешенье.
И я пришел, чтобы утешить мир.
Утешься, мир, нет в небесах отмщенья.
Но прежде, чем великое забвенья
Охватит мир, изъеденный до дыр,
Вам жрать навоз, и гной педить из рек.
Провидел босс библейские кошмары,
Но босс - не Бог, нет в Боге божьей кары,
Ведь проклят человеком человек.

И я не тот, и зла я не держу.
Вы все хорошие, вы очень неплохие.
Вы ждали в хлам сошествия мессии -
Вот я пришел... И вот я ухожу...

Редактор
Е. МОЙСЕЕНКО.